

Наталья Николаева

ГУВЕРНАНТКА

1

*1830 год. Англия. Пансионат при
монастыре святой Луизы.*

В окно радостно пробивался весенний луч солнца и отражался веселыми солнечными зайчиками на стене. Две недели я провела в постели, даже встать не разрешали. Матушка Мария — милая, добрая и заботливая женщина. Все девочки в пансионате ее любят. Но иногда ее внимание переходит все границы. Я промокла под холодным мартовским дождем и подхватила простуду. Ничего страшного, все прошло бы и само собой. Но нет, матушка Мария приставила ко мне двух сестер, дежуривших около постели день и ночь. Ладно, первые дни, мне было действительно плохо: сильный жар сменялся приступами холода, меня трясло, словно осенний лист на ветру. Но даже когда мне стало значительно лучше, мать-настоятельница строго настрого запретила подниматься. Как мне надоел этот постельный режим! Я столько всего пропустила! И не только

уроки. Цветы посеяли без меня. А ведь, это я придумала, засеять клумбы цветами одного вида, только разных цветов. Джейн, моя соседка по комнате, рассказывала, что одну клумбу сделали полностью из роз.

Слабость все еще ощущалась, но лежать без дела мне надоело. Да и очень уж хочется погреться на солнышке, подышать свежим воздухом. Я встала с кровати, быстро накинула накидку и осторожно открыла дверь комнаты. Слава Богу, в коридоре никого нет. словно тень, я проскользнула вниз по лестнице и бесшумно вышла на улицу. Вдохнув глоток свежего воздуха, я почувствовала прилив бодрости во всем теле. Весна! Да уже наступила настоящая весна. Я мигом помчалась в сад — одно из моих любимых мест. И неудивительно, ведь на фоне мрачных, сложенных из серого булыжника, монастырских стен только сад являлся островком буйства красок. Весной все деревья начинают просыпаться, распускаются сочные, зеленые листочки. Наступает пора цветения, и ветки сплошь укрываются цветами. Пьянящий аромат кружит голову, а жужжание пчел, собирающих сладкий нектар, напоминает журчание лесного ручейка. А вот и моя любимая беседка. Она скрывается в дальнем уголке сада. Скоро дикий виноград пустит молодые побеги, стена зеленых листьев скроет беседку от посторонних глаз. Сколько

необыкновенных мыслей, рождалось в этой укромной беседке. Жаль, что сбыться им не суждено. Вздохнув, я подняла голову к небу. Чистое голубое небо, словно говорило: «Не печалься, нужно радоваться каждому прожитому дню». И действительно, я выздоровела, погода хорошая, все хорошо, не нужно опускать руки. Я улыбнулась и перешла на другую дорожку. Тоненькие зеленые иголки пробиваются из земли. Девочки хорошо потрудились, всходы хорошие. Да, летом в саду будет необыкновенно красиво: все зазеленеет, цветы заиграют всеми красками, будут петь птицы. Просто рай...

— Анна, вот ты где! Я все ноги сбила, разыскивая тебя, — запыхавшись, протараторила Джейн. — Матушка Мария тебя уже обыскалась.

— Ну вот, снова уложит в постель, — возмутилась я.

— Она зашла, а тебя нет. Не скажу, чтобы она рассердилась, но осталась недовольна. Отправила меня за тобой в библиотеку.

— Да я там уже все книги перечитала, — в сердцах промолвила я.

— Я в библиотеку, а тебя там нет. Тогда только в сад. Где же ты еще можешь быть: или в библиотеке, или в саду.

— Посмотри, какая красота. Как же долго я была в постели. А что вы посеяли вот на этой

клумбе? — я подхватила Джейн под руку и потащила к ближайшей клумбе.

— Аннушка, мать-настоятельница будет сердиться. Еще и я получу выговор, — закусив губу, пролепетала Джейн.

— Не будь занудой, все равно разговора не избежать. Давай погуляем на солнышке, — я поволокла Джейн к грядке, где посеяли овощи.

Прогулка затянулась еще на полчаса. Мы мило гуляли, но надо было возвращаться и слушать нотации матушки Марии. Но меня они ничуть не пугали.

Смеясь, мы взбежали на ступеньки и нос к носу столкнулись с матерью настоятельницей. Джейн сразу же побледнела, поперхнувшись от неожиданности. Матушка Мария строго смотрела на нас, но я видела в ее глазах улыбку. Не в силах больше сдерживаться я звонко рассмеялась.

— Смотрю, прогулка пошла тебе на пользу, щеки разругались и глаза заблестели. Ты пошла на поправку, — улыбнулась матушка Мария.

— Погода просто чудесная и Джейн показала мне все клумбы, — скороговоркой, выпалила я.

Мать-настоятельница взглянула на Джейн и девушка, стоявшая со склоненной головой, казалось, поникла еще больше.

— Джейн, иди к себе в комнату, готовься к уроку музыки, а ты, Анна, иди за мной, —

отчеканила матушка Мария, развернулась и пошла вперед.

— Легко отделались, — довольно шепнула Джейн.

— Вот только непонятно, что ей понадобилось от меня? Я бы лучше, пошла с тобой, готовиться к уроку. И так пропустила несколько из-за этой простуды, — тихо пробурчала я в ответ и побрела следом.

По дороге я задавалась вопросом: почему Джейн так боится матушку Марию? Она никогда не повышает голоса ни на кого из своих воспитанниц. У нее добрые глаза. Вот и сейчас, она нас ругала, но глаза были такие добрые. Мать-настоятельница очень красивая, я до сих пор не пойму, почему она решила уйти в монастырь. Эта высокая, стройная женщина, с роскошными каштановыми волосами и белоснежной кожей, наверное, пользовалась огромной популярностью у молодых людей в юности. А этот выразительный взгляд черных глаз, кажется, что раз посмотрев, она знает о человеке все. Я бы очень хотела быть на нее похожей.

— Анна, ты ушла на прогулку и никому не сказала. Ты же еще не выздоровела, — ласково проговорила матушка Мария.

— Мне уже надоело лежать в постели, я все пропустила: и занятия, и цветочки без меня посеяли.

— Щечки разругались, смотрю, прогулка пошла тебе на пользу. Раз ты чувствуешь себя лучше, можешь сходить на урок музыки. Тем более что сегодня урок будет вести ваша новая учительница музыки мисс Лаура.

— А она играет на фортепиано? Это должно быть так прекрасно. Я все книги о великих композиторах перечитала, — выпалила я.

— Вот именно по этому я тебя и позвала. Смотри это новое пополнение нашей библиотеки, — сказала матушка Мария, протягивая новую книгу.

Я схватила ее и, прижав к груди, обрадовано посмотрела на мать- настоятельную.

— Спасибо большое, — радостно затараторила я.

— Беги к себе, наслаждайся — ласково улыбнулась матушка Мария.

Добравшись до комнаты, я держала книгу раскрытой на десятой странице. Войдя, я была так увлечена чтением, что не сразу заметила испытывающий взгляд Джейн.

— Не смотри так, будто меня пороли, — с досадой сказала я.

— Матушка Мария такая добрая, но почему-то я волнуюсь всякий раз, когда ее вижу, — с грустью ответила Джейн.

— Она немного меня отчитала, что я вышла

без разрешения, но посмотри, дала новую книгу почитать. Ее никто еще не читал. Даже странички не разрезаны.

Джейн повертела книгу в руках и вернула мне.

— Ты никогда не любила читать, — вздохнув, сказала я, — Ладно, давай лучше собираться на урок музыки. Новая учительница уже приехала, я видела экипаж возле ворот.

— Ты ее видела? Какая она? — оживилась Джейн.

— Не видела, только знаю, что зовут ее мисс Лаура.

Взявшись за руки, мы пошли на урок. Все девочки ждали этих занятий с нетерпением. А я особенно. Ведь, девочки дома слушали музыку, Кэтрин и Мэри даже умеют играть на скрипке и фортепиано.

Мать-настоятельница и невысокая толстушка вошли в классную комнату в тот момент, когда воспитанницы уже заняли свои места и весело переговаривались.

— Девочки, позвольте представить вашу новую учительницу музыки мисс Лауру. Два раза в неделю будут проходить занятия. Отнесите к ним со всей ответственностью, — строго сказала мать-настоятельница и вышла из комнаты.

Мисс Лаура, низенькая полненькая дама, похожая на сдобную булочку. Круглые очки все

время сползают на нос, она их поправляет, а вот глаза добрые-добрые. Ее тихий голос, заставил замолкнуть юных болтушек. Она села за фортепиано, и чарующие звуки волшебной музыки заполнили комнату. Урок пролетел незаметно.

Весь вечер я читала новую книгу.

Дни в пансионате были похожи один на другой. Утренняя молитва, завтрак, занятия, обед, прогулка, ужин, вечерняя молитва и сон. Время летело незаметно. Так прошло два месяца. И вот настал день отъезда девочек. Они уезжали домой на летние каникулы. Только мне некуда было ехать. Я оставалась одна в пансионате при монастыре. И так происходит год за годом вот уже 14 лет. У моих подружек есть семьи, родители. А у меня нет никого. Я выросла в монастыре. Никогда не знала, что такое настоящая крепкая дружная семья. Единственным моим утешением в это время будет библиотека и прогулки в саду. В укромной беседке я не раз плакала, мечтая, чтобы у меня тоже была семья. Чтобы мама купила мне такие красивые платья, как у Кэтрин. Чтобы у меня был первый бал, как у девочек. Однако этому не суждено сбыться.

Правда, летом скучать не приходится. Занятия я нахожу с легкостью: ухаживаю за клумбами, подстригаю розы, прополю грядки, помогаю в библиотеке при монастыре. Постепенно

я увлекаюсь работой, грусть проходит, но живость и веселье во мне исчезает.

2

— Аннушка, тебя зовет матушка Мария, — сказала монахиня.

— Мне осталось прополоть еще один ряд роз, тогда и приду, — не поднимая головы, ответила я.

— Она знает, что ты работаешь, но все же послала за тобой. Значит это очень важно, — настаивала монахиня.

— И что может быть важнее, чем освободить грядки от ненавистных сорняков? — вытерев о фартук, испачканные руки, пробурчала я.

Оставив работу, я побрела в кабинет к матери-настоятельнице. Кабинет был простенький: белые стены, простая мебель и потертый ковер на полу. Только стол был красивый — мощный, дубовый с интересной резьбой по бокам. Одна знатная дама подарила стол монастырю. Матушка сидела за ним и что-то читала.

— А Аннушка, заходи, — приветливо сказала мать-настоятельница.

— Я в саду полола кусты роз.

— Да я знаю. Ты постоянно занята работой и перестала совсем улыбаться, с тех пор как девочки разъехались, — с тревогой сказала матушка Мария.

— У них есть семьи, которые их ждут и любят, а у меня нет никого. Вот я и работаю, чтобы не думать об этом, — грустно вздохнула я.

Мать-настоятельница погладила меня по голове. Она всегда относилась ко мне с материнской теплотой. Иногда, она даже называла меня «моя девочка». В такие моменты мне ужасно хочется, чтобы она была моей мамой. Мечты... мечты...

— Сегодня я получила приглашение к герцогине Генриэтте на чай, — откидываясь на спинку стула, сказала матушка Мария.

Я вопросительно подняла на нее глаза.

— Ты совсем загрустила, и я решила взять тебя с собой в гости, — продолжала она.

— А можно, правда, можно мне поехать с вами? — оживилась я.

— Конечно можно. Решено. На следующей неделе мы едем в гости, — торжественно провозгласила мать-настоятельница.

— Ой, спасибо, спасибо большое, — бросилась я к матушке Марии и обняла ее.

— Ну, все, все. Иди отдыхать, на сегодня работать достаточно.

Неделя пролетела незаметно. Наступил день поездки.

Проснулась я рано утром. В деревне, располагавшейся неподалеку, только начали петь

петухи. Их звонкие крики долетали до монастыря, отражаясь от каменных стен. Какое же платье надеть? Гардероб у меня был более чем скромный: форма для занятий и еще три платья. Но сегодня такое важное событие. Я еду в гости к самой герцогине. Вот это, сиреневое с кружевной оборкой, я думаю подойдет. Теперь пора подумать о прическе. Хотя какая может быть прическа. В монастыре нет парикмахеров. Обычно воспитанницы собирают волосы в хвостик или заплетают косу. Став перед небольшим зеркалом, висящим на стене, я аккуратно собрала волосы в хвостик. Вот я и готова, а стрелка на часах словно замерла. Когда же приедет карета? Словно в ответ на мои мысли за воротами раздался стук копыт. Герцогиня прислала экипаж. Опрометью я сбежала вниз. Возле огромных дубовых ворот монастыря матушка Мария давала последние наставления монашкам. Проскользнув через открытую калитку, я выскочила на улицу. Передо мной стояла прекрасная карета, словно приехавшая из сказки «Золушка». Просто не верится, что я бедная сирота, поеду в гости к знатной даме, да еще в таком экипаже, запряженном четверкой гнедых лошадей.

Мать-настоятельница вышла из калитки в сопровождении сестры Джулиан, высокой, хмурой женщины средних лет.

— Я уеду на день, а ты проследи, чтобы

сестры проредили морковь и свеклу на грядке.

— Хорошо, матушка.

— И еще, приедет Джон Хиггинс, из деревни. Я просила его убрать прошлогодний мусор из погреба. Посмотри, чтобы все хорошенько убрал. И заплати два шиллинга. Мы так договаривались, — строго сказала мать-настоятельница, отдавая последние указания.

Она улыбкой посмотрела на меня.

— Анна, ты уже спустилась? Вот и хорошо. В путь.

— Хорошей дороги, — пожелала сестра Джулиан.

Вблизи карета еще прекраснее. В нерешительности я замерла перед экипажем. Кучер, одетый в темно-зеленую, расшитую золотом, ливрею, спрыгнул с козлов. Снял шапку и почтительно поклонился. Открыл дверцу кареты и опустив подножку, проговорил:

— Прошу матушка.

У него оказался приятный бархатный голос. Матушка уселась в карету.

— Прошу вас, мисс, — обратился он ко мне.

По телу пробежала дрожь. А ноги стали ватные. Подойдя ближе, я лучше его рассмотрела. Передо мной стоял молодой юноша с красивой улыбкой, а ветер перебирал его светлые волосы.

Поставив ногу на скрипнувшую подножку,

опершись на протянутую руку кучера, я неловким прыжком оказалась внутри кареты.

Дверца захлопнулась, карету качнуло, когда кучер вскочил на козлы. Вожжи щелкнули и экипаж не спеша, покатился по дороге, увозя меня от ворот монастыря. Внутри карета обита бордовым бархатом, а на сиденьях лежали бордовые с оборочками подушки. Матушка Мария расположилась напротив меня. Она задумчиво смотрела в окно на проплывавшие зеленые холмы Сомерсета.

Карета проехала мимо стада овец, пасущихся на поле. Молодые ягнята весело гоняются друг за другом. До чего же смешные, эти маленькие существа. Вот бы себе завести такого маленького бодливого друга. Пастух разложил завтрак на траве, греясь под лучами весеннего солнца. Копыта лошадей звонко застучали по камням моста, перекинутого через реку. Мать-настоятельница прервала созерцание пейзажа.

— Аннушка, мы едем к герцогине Генриэтте, она моя давнишняя подруга. Я знакома с ней с детства. Впервые мы встретились, когда мне было пять лет. Она немного старше меня, но мы быстро нашли общий язык. С тех пор крепкая дружба связывает нас. Она очень красивая и добрая женщина. Скоро ты сама все увидишь. Но судьба нанесла ей тяжелый удар. Пять лет назад умер ее

муж, Генрих. Она осталась сама с двумя детьми: сыном Норманом и трехлетней дочуркой Кэтти. Но герцогиня сильная женщина, она стойко перенесла такой жестокий удар судьбы. Ты пойми, моя девочка, что мы едем к высокопоставленной знатной даме, я думаю, уроки этикета не прошли для тебя даром. Ты помнишь, как должна вести себя юная леди?

— Конечно, помню, матушка Мария! Но все равно, я немного побаиваюсь.

— Все будет хорошо, — матушка потрепала меня по голове, — но помни, что леди не должна перебивать собеседника. Голос леди всегда звучит ровно и достойно. В обществе не принято выставлять напоказ эмоции, необходимо их сдерживать, даже иногда скрывать. Помни про осанку — спина ровная и голова высоко поднята. Постарайся говорить медленнее, а то ты об этом забываешь.

— Хорошо, я буду стараться изо всех сил, — заверила я.

— Вон, за тем холмом, уже виднеются башенки особняка герцогини.

3

Карета подъезжала все ближе. Серый особняк, как огромная гора, возвышался над зелеными

кронами многолетних дубов парка, разбитого за въездными воротами. Средневековое здание с маленькими башенками, сложенное из массивного камня, выглядело словно волшебный замок из легенд о короле Артуре. Я все книги о нем перечитала в библиотеке. Казалось, что сейчас по подъездной аллее, выедет сэр Ланселот в блестящих доспехах на белоснежном жеребце. Но вместо красивого рыцаря, на аллее показался низенький старик, одетый в темно зеленую ливрею, распахнувший нам кованые створки скрипучих ворот. Лошади весело побежали по засыпанной песком дорожке, ведущей к главному входу. Объехав огромную клумбу, карета остановилась. Кучер ловко спрыгнул и, открыв дверцу, помог нам выйти. Парадная огромная дверь распахнулась и из нее пулей вылетела высокая, грациозная женщина лет сорока. Светлые волосы уложены в аккуратную прическу, глаза радостно блестят. Лиловое платье, расшитое золотом, с оборочками в три яруса, подчеркивает хрупкий стан. Она мгновенно преодолела ступеньки лестницы, и кинулась в объятия матери-настоятельница. В эту минуту в дверях показалась молодая девушка со шляпкой в руке.

— Ваша светлость, вы не надели шляпку, — запыхавшись, проговорила девушка. Горничная невысокого роста, полненькая молодая девушка, с

золотыми волосами и россыпью веснушек на лице. Платье цвета аквамарина скрывает ее полноту. Выглядит она просто сказочно.

— Здравствуй, моя голубушка! Как добрались? — обнимая мать-настоятельница, заговорила герцогиня.

— Доехали отлично. Дороги уже подсохли, грязи нет, — ответила матушка Мария. Она немного отодвинулась, разглядывая герцогиню, — а ты, я смотрю, выглядишь как всегда великолепно.

В ответ, герцогиня, засмеявшись, крепко обняла матушку.

— А это, что за юная очаровательная леди приехала с тобой? — леди Генриэтта пристально посмотрела на меня.

— Это Анна, моя воспитанница, — с гордостью сказала матушка Мария, повернувшись ко мне.

— Ах, Анна! Ты так повзрослела. В какую же красавицу ты превратилась. Когда же я видела тебя в последний раз?! Ты была совсем маленькой девочкой. Сколько же тебе тогда было?! Лет десять, нет девять. Да точно девять.

— Анне было восемь, когда ваша светлость приезжала в монастырь, — ответила мать-настоятельница.

— Ты была такая смешная с закрученными кверху косичками, вздернутым носиком и

перепачканным яблочным джемом лицом. Какая ты стала красивая. Так изменилась, вот только глаза остались прежние, блестят, как и раньше, словно две звездочки.

— Добрый день, ваша светлость, — медленно проговорила я, помня о правилах этикета. Хотя, мне кажется, герцогиня сама забыла обо всех правилах. Говорила она быстро, при этом, не переставая обнимать мать-настоятельница. Да, похоже, о правиле сдерживать эмоции, она напрочь забыла.

— Пойдемте же в дом, стол уже накрыт, — гостеприимно предложила леди Генриэтта, сделав приглашающий жест.

Дворецкий, высокий, подтянутый мужчина с высокими бакенбардами и пышными усами, распахнул двери, и мы вошли. Огромный холл отделан в светло-голубом тоне. На одной стене висит большой гобелен, а другую стену украшают старинные портреты. Наверное, это близкие родственники герцогини. Свечи зажжены, массивная мраморная лестница ведет на верхний этаж. Дверь гостиной открыл все тот же дворецкий.

Гостиная превзошла все мои ожидания. Солнечный свет проникал в комнату через большие окна, и, кажется, вся комната сверкает золотом. Потолок отделан лепниной с амурами по углам, две люстры симметрично свисают с потолка. Между окнами висят огромные зеркала, а напротив языки

пламени мраморного камина весело отражаются в них. Вокруг дубового стола располагаются стулья с бархатной обивкой. Даже страшно садиться на такой стул. Обои расписаны диковинами птицами, а над камином нарисован фрагмент из античной комедии. Туфли постукивают по паркетному полу при ходьбе. Однако такая роскошь не удивляла никого, только меня. Конечно, они ведь привыкли к такой обстановке.

— Проходите к столу, дорогие гости, — пригласила хозяйка.

Ее радостный порыв стал угасать. Она четко начала отдавать приказы слугам.

— Прошу садитесь за стол, — сказала герцогиня, указывая нам на стулья по обе стороны от нее.

Слуги придвинули стулья и мы сели.

— Подавайте обед, Лукас, — обратилась она к дворецкому.

Слуги начали пиршественное шествие. По-другому этот процесс я назвать не могу. На больших подносах вносили блюда. Овощи и фрукты поставили на середину стола. Аромат свежесдобитого хлеба смешался с запахом запеченного жаркого, которое подали с жареным картофелем. На огромном блюде тонкими ломтиками был нарезан сыр. Как это все можно съесть?!

— Как дела у вас в монастыре, матушка? — поинтересовалась герцогиня.

— Понемногу справляемся, с Божьей помощью. Воспитанницы у нас хорошие, всегда помогают. Вот посеяли клумбы, цветочки уже всходят. Да и овощи на грядках проредили. Надеемся на отличный урожай.

— Крышу в старом здании переделали? Вы говорили, что протекает? — продолжала расспрашивать герцогиня.

— Спасибо, маркиза Элизабет занимается благотворительностью. Вот и нам перепало. Крышу полностью перекрыли. Приехала новая учительница музыки. Девочки прозвали ее «сдобной булочкой», — улыбаясь, мать-настоятельница взглянула на меня.

— Это только до того как она села за фортепиано, — ответила я.

— А что «булочка» хорошо играет на фортепиано?! — рассмеялась герцогиня.

— Просто невероятно. Музыка словно витает в воздухе и заполняет всю классную комнату, — с жаром завершила я.

— Тебе нравятся уроки музыки?

— Да, вот бы научиться играть, так как наша учительница, — мечтательно вздохнула я.

— Но у тебя очень хорошо получается, я слышала, — похвалила мать-настоятельница, — да

вам еще учиться два года, за это время освоишь и фортепиано.

Двери гостиной открылись, появились слуги и стали сервировать стол для чая. Чайный сервиз невероятной красоты. Белоснежные, словно прозрачные, чашки с замысловатым рисунком. Как в такую красоту можно наливать чай?! Монастырская посуда очень проста и скромна. Такой красоты я еще не видела, не то чтобы пить из нее. Слуги внесли пахнущие медом бисквиты, десерт и пудинг. Разлили ароматный чай. И тихо скрылись за дверями.

Я не могла оторвать взгляд от чашки, над которой поднимался легкий парок.

— Этот сервиз привез мой покойный муж из Китая, — заметила мою заинтересованность герцогиня.

— Он был в Китае? — выпалила я, а потом вспомнила о правила этикета. Но я не могу с собой ничего поделатъ. Здесь столько интересных вещей. Обо всем хочется спросить герцогиню, но я обещала матушке вести себя сдержанно.

— По долгу службы его отправили в Китай на два месяца. В подарок он привез этот чайный сервиз и вон ту напольную вазу, — махнула в сторону герцогиня.

Посмотрев, я увидела высокую, разрисованную вазу, стоящую около камина.

— Как у вас обстоят дела, ваша светлость? — матушка Мария поднесла ко рту чашку.

— Да все как всегда, Имение и охотничьи угоды приносят стабильный доход. А вот в свете случаются такие курьезы. Послушайте, в прошлом месяце маркиза Монтегю давала бал. Приему у этой дамы всегда великолепно: гостеприимные хозяева развлекают гостей, как только могут. Весь свет любит бывать на таких приемах. Гости прибывали. Приехала баронесса Уиллоуби в шикарном лиловом платье с огромными розами. Все были в восторге, такой цвет сейчас на пике моды. Баронесса купалась во всеобщем обожании. Но ее триумф продлился не долго, только до приезда маркизы Невилл. Вошедшая дама сразу почувствовала на себе вопросительные взгляды и даже смешки за спиной. Увидев баронессу Уиллоуби, она сразу все поняла. Дамы были в ярости. Оказывается, у них общий портной. И обе они задолжали ему приличные суммы за наряды. Он пошил им одинаковые платья, заранее зная, что они собираются на один и тот же бал, — смеясь, рассказывала герцогиня.

— И чем все закончилось? — не выдержала я.

— Дамам пришлось заплатить свои долги, и они отказались от услуг этого расторопного портного. Но что самое смешное, — прищурилась герцогиня, — они снова выбрали вдвоем одного

портного. Хотя они об этом еще не знают, — громкий смех герцогини заполнил всю комнату.

Матушка Мария тихонько рассмеялась, отставив чашку. Я тоже прыснула, не удержавшись.

— Как здоровье ваших деток? — отсмеявшись, поинтересовалась матушка, взглянув на леди Генриэтту.

— Дети. Дети порой бывают такими шалунами и врединами. Но я прощаю все их шалости. Мой старший сын стал совсем взрослым, ему 16 лет. И месяц назад я купила ему чин лейтенанта в Колдстримский полку. Нужно становиться настоящим мужчиной, и как бы мне не было страшно за него, пора отпустить его от моей юбки, — печально вздохнула герцогиня.

— А маленькая дочка сейчас с няней? — спросила мать-настоятельница.

— Кэтти вернулась с прогулки с няней и тоже обедает. Я вас с ней познакомлю. Ей 8 лет, но она такая проворная. Не сидит на месте, две вазы разлетелись вдребезги от ее игр, дворовые собаки носятся с ней по парку, даже наш дворецкий без улыбки на нее не смотрит. Кстати, пойдемте, я вам покажу свой парк, — сказала герцогиня, поднимаясь, и мы встали за ней.

В парк вела лестница, сложенная из гранитных плит. Внизу лестницы, по обе стороны, сидели два оскалившихся мраморных льва. Пройдя мимо них, мы оказались на извилистой дорожке из гравия, ведущей в парк. Матушка с герцогиней пошли вперед, а я с горничной герцогини шла сзади. Леди Генриэтта так бесшумно ступает по гравию, что кажется, словно она парит над землей. Я старалась ступать так, чтобы гравий тоже не шуршал у меня под ногами. Однако, как же трудно это дается. Свернув налево, мы пошли по одной из аллей, обсаженной живой изгородью.

— Посмотри, какой молодец мой садовник Джордж. Все кустики подстрижены, словно под линейку, хотя и любит выпить. Но работу всегда исправно выполняет, — заговорила герцогиня.

— Я всегда знала, что ты ценишь хороших работников, — ответила мать-настоятельница.

— Ох, как часто я браню его за эту пагубную привычку! А сколько раз я говорила, что рассчитаю, если он не бросит выпивать.

— Сердце подсказывает мне, что его не сможешь выгнать, даже если он не так хорошо будет выполнять работу.

— Наверное, ты права, я слишком мягкая со слугами. Да и садовник работает у нас давно, его жена отлично справляется на кухне, а сын, тот славный малый, что привез вас, — с теплотой в

голосе, проговорила герцогиня.

— Кучер у вас очень обходительный, — сказала матушка Мария.

— Правда, очень хороший мальчик, вот только я заметила, — повернувшись к нам, герцогиня погрозила пальцем, — что моя Дженифер глазки ему строит. Ах ты, вертихвостка, узнаю, что ребенка портишь, получишь у меня!

— Ой, что вы, ваша светлость, я ничего, — захихикала Дженифер.

Я мельком взглянула на Дженифер, ее красивое личико залил румянец. Наверное, она действительно влюблена в кучера. Он симпатичный и внимательный, а она очень миленькая, они были бы красивой парой.

Герцогиня остановилась перед огромной клумбой.

— А это, моя любимая клумба, — начала герцогиня, — вот уже много лет я заказываю особые саженцы роз. Садовник высаживает их так, что когда они зацветают, получается рисунок как на китайской вазе, стоящей в гостиной.

— И сколько же здесь кустов роз? — не удержалась и спросила я.

— Двести пятнадцать кустов. Когда они все распускают свои нежные бутоны, от такой красоты невозможно глаза отвести. Белые, розовые, желтые, красные и даже малиновые. Вот думаю, поставить

здесь скамеечку, чтобы можно было почитать и наслаждаться красотой и ароматом цветов, — вопросительно взглянув на матушку, сказала герцогиня.

— Можно, вот под этим дубом поставить скамейку: и тень, чтобы солнце не пекло, и можно любоваться природой, — ответила мать-настоятельница.

— Пойдемте, я покажу вам мое любимое место в парке.

— Парк такой красивый, как можно выбрать любимое место, даже не знаю, — проговорила я.

— Пойдемте, и вы сами увидите и обязательно влюбитесь в ослепительную природу. А ты представляешь, — обратилась герцогиня к матушке Марии, — Норману приглянулась Эмилия, дочка барона Сент-Олбенса. Хотя, мой муж и сговорился с бароном о помолвке детей, но раньше Норман не проявлял к ней никакого интереса.

— Мальчик уже вырастет, становится мужчиной, и обращает внимание на девушек, — ответила мать — настоятельница.

— Ему только шестнадцать. Вот, чтобы он повзрослел, я и отправила его на военную службу. Может там ума наберется. Станет настоящим мужчиной, тогда можно и на девушек глядеть.

— А ты строгая мать. Раньше я такого за тобой не замечала, — усмехнулась матушка Мария.